

ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Если бы современный мир оказался на приеме у психиатра, заполнял анкеты и участвовал в тестах на когнитивные функции, какой бы диагноз ему поставили? Диссоциативное расстройство идентичности? Биполярное аффективное расстройство? Шизофрения? А может, это вообще какое-то новое заболевание, еще не описанное в справочниках?

Начнем с того, что мир страдает острой **цифровой паранойей**. Он постоянно чувствует, что за ним наблюдают – и что самое интересное, он абсолютно прав. Алгоритмы действительно отслеживают каждый его шаг, анализируют каждый запрос в Гугле, предугадывают каждое желание. Но разве не является критерием паранойи именно то, что преследование существует лишь в воображении пациента? Вот и получается парадокс: мир параноидален, но имеет для этого все основания. **Уникальное состояние "обоснованной паранойи" – патология, которая одновременно является рациональной адаптацией. Современный человек вырабатывает защитные механизмы против неизбежного наблюдения. В этом его отличие от классических параноиков прошлого: он не столько боится преследования, сколько изобретает все более изощренные способы "нормализовать" тотальную прозрачность своей жизни.**

К этому тесно примыкает **ангедония** – неспособность испытывать удовольствие от обычных вещей. Человечество находится в бесконечной погоне за новыми, все более интенсивными стимулами. Простые радости уже не насыщают: созерцание природы заменено экстремальными развлечениями, традиционная еда – изысканной гастрономией, проявления эмоций – виртуальной стимуляцией. Парадоксально, но параллельно с этой гонкой за интенсивными ощущениями растет феномен социальной изоляции – все больше людей избегают взаимодействия с людьми, страшась их непредсказуемости и эмоциональных требований. Мы повышаем дозу виртуальных раздражителей, но их воздействие делается все слабее. Порог чувствительности растет, а вместе с ним – и тщетность наших попыток испытать хоть что-то подлинное. **Это противоречие между гедонистической эскалацией и аскетическим эскапизмом напоминает то, что нейробиологи обнаружили у лабораторных крыс, чьи центры удовольствия стимулировались электродами. Животные до полного изнеможения нажимали жали на рычаг стимуляции, игнорируя пищу и воду, и при этом демонстрировали признаки стресса и страха. Мы создали мировую архитектуру дофаминовых ловушек, одновременно разрушив экосистемы**

естественного вознаграждения.

Налицо и признаки **информационной булимии**. Мир поглощает гигантские объемы данных, новостей, мнений, гипотез, теорий – но не усваивает их, не интегрирует в связную картину, а почти сразу отбрасывает их, чтобы освободить место для новой информации. Он насыщается, но не питается, наполняется, но не обогащается. Это скорее симптом **обсессивно-компульсивного расстройства**: бесконечное потребление информации как ритуал, который должен защитить от тревоги неизвестности. **Интересно, что подобная информационная патофизиология наблюдается и на нейрональном уровне при развитии некоторых форм деменции.** Здесь речь идет о метафоре, а не о буквальном механизме возникновения деменции на коллективном уровне. **Информационный шум блокирует формирование осмысленных общественных нарративов. Мы находимся на пороге явления, которое можно назвать «коллективной деменцией» – растущей неспособности сохранять и передавать существенное знание при номинальном росте его объемов.**

А что сказать об **экзистенциальной прокрастинации**? Человечество откладывает решение фундаментальных вопросов под предлогом недостатка данных или ресурсов. Мы десятилетиями слышим о надвигающемся демографическом кризисе, о перспективах истощения ключевых ресурсов, о проблемах с пенсионной системой – но каждый раз находим причины перенести принятие радикальных мер на будущее. «Следующее поколение разберется» – девиз нашего коллективного инфантилизма. **Примечательно, что эта прокрастинация имеет свою социальную географию и экономику.** Развитые страны делегируют экологические издержки развивающимся, средний класс перекладывает труд заботы на плечи мигрантов, старшие поколения оставляют экологический долг младшим. **Формируется пирамидальная структура глобального промедления, где каждый уровень оттягивает столкновение с неизбежным за счет уровня ниже. Это напоминает финансовую пирамиду, где верхние участники получают иллюзию решения проблем за счет нижних, с той только разницей, что на самом нижнем уровне этой пирамиды находятся еще не рожденные поколения – идеальные «инвесторы», которые не могут предъявить претензии.**

Мир определенно страдает от **синдрома дефицита внимания**. Он не может сконцентрироваться ни на одной проблеме достаточно долго, чтобы ее решить. Климатический кризис, растущее неравенство, локальные войны, эпидемии – все это мелькает

в сознании, как слайды в проекторе, но ни на чем не удастся задержать внимание. **И все же в этом калейдоскопе существуют острова гиперфокусировки. Парадоксально, но именно эпоха рассеянного внимания породила феномен «глубокого погружения» (deep dives) в специализированные темы. Сообщества культивируют практики интенсивного изучения узких тем, создавая сверхдетальные карты микротерриторий знания. Так формируется фрактальная структура современного познания: поверхностное скольжение по глобальной повестке сочетается с точечными погружениями в сверхспециальные области. Результат – когнитивная карта с экстремальным рельефом, где плоские равнины общего знания соседствуют с глубокими каньонами экспертизы, часто изолированными друг от друга.**

А как насчет **нарциссического расстройства личности?**

Современный мир убежден, что он особенный, уникальный, что никогда прежде человечество не сталкивалось с такими вызовами, не стояло на таком перепутье, не находилось в таком критическом положении. Он считает себя кульминацией истории, ее смысловой вершиной. Он не способен извлекать уроки из прошлого, потому что уверен: прошлое ничему не может его научить, оно слишком примитивно. **Однако при ближайшем рассмотрении этот нарциссизм оказывается обратной стороной глубокой неуверенности в себе. Мы боимся оказаться лишь очередным видом, чьи притязания на особое место в космосе окажутся ничем не примечательным эпизодом вселенской эволюции. Миру можно диагностировать и биполярное расстройство. Он колеблется между полюсами эйфории и депрессии. То упивается своими технологическими достижениями, верит в светлое будущее, убеждает себя, что достаточно «просто изобрести» еще что-нибудь – и все проблемы решатся. То впадает в апокалиптическое отчаяние, усматривает конец света за каждым углом, пророчит гибель цивилизации от очередного вируса, астероида или искусственного интеллекта. Эти колебания имеют свои отчетливые географические и хронологические паттерны. В 1950-х технооптимизм доминировал в западных обществах параллельно с атомной тревожностью. В 2000-х цифровой энтузиазм Силиконовой долины сосуществовал с экологическим пессимизмом Европы. Сегодня глобальный Юг демонстрирует эйфорию быстрого развития, типичную для индустриальной фазы, в то время как постиндустриальный Север погружается в рефлексивную меланхолию.**

Нельзя не отметить и синдром **выученной беспомощности**. Современный человек убедил

себя в бессмысленности личных действий перед лицом системных проблем. «Зачем отказываться от пластика, если основное загрязнение создают корпорации?» Парадоксально, но мир, предоставляющий беспрецедентные возможности для индивидуального действия, породил массовое ощущение собственного бессилия. Тем не менее, эта беспомощность **распределена неравномерно. В то время как одни группы людей погружаются в фатализм, другие культивируют в себе гипертрофированное чувство контроля – иллюзию всемогущества через технологии или эзотерические практики. Так формируется новая диалектика силы и бессилия: чем сильнее технологическое расширение возможностей, тем острее переживание их иллюзорности.**

Но самый точный диагноз, пожалуй, – это **шизофрения**. Расщепление сознания, разрыв между мышлением и реальностью. Мир одновременно верит в несовместимые вещи: в безграничный экономический рост и сохранение природы, в свободу личности и тотальную безопасность, в глобализацию и национальный суверенитет. Он строит логически безупречные, но абсолютно оторванные от реальности модели, создает параллельные вселенные, в которых действуют свои законы причинно-следственных связей. **Отсюда не только расщепление реальности, но и отчаянными попытки ее склейки. В публичном дискурсе последних десятилетий нарастает лавина неологизмов, часто возникающих на стыке несовместимых семантических полей: «экологический капитализм», «устойчивый рост», «глобальное соседство», «цифровой детокс». Эти языковые гибриды – симптомы отчаянных попыток склеить расплывающуюся ткань реальности, соединить несоединимое. Мышление в своих попытках примирить противоречия создает новые синтетические структуры, которые логически невозможны, но психологически необходимы. Подобно тому как шизофреник может верить, что он одновременно жив и мертв, современный человек верит, что он одновременно свободен и детерминирован, уникален и взаимозаменяем, всемогущ и бессилен.**